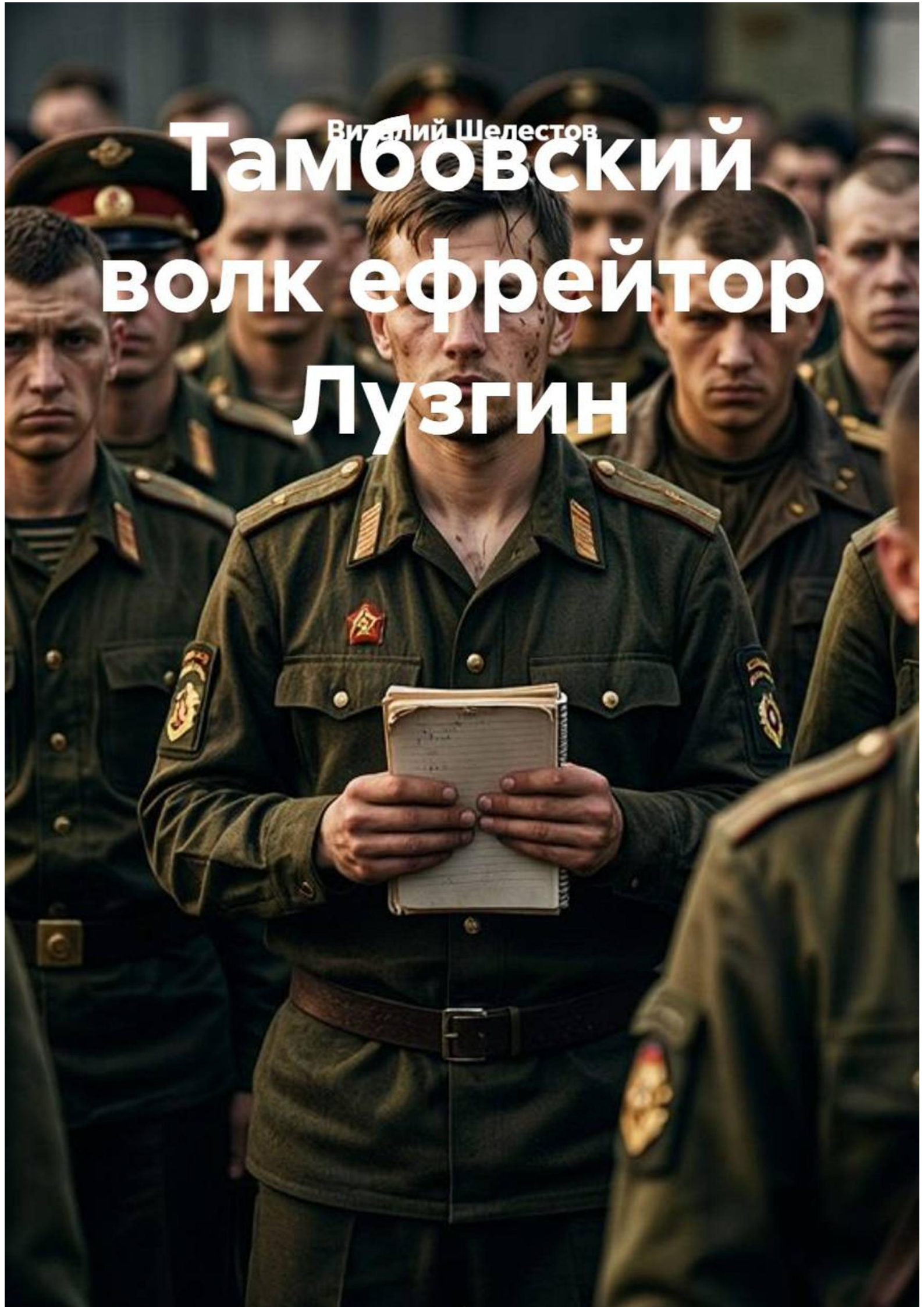

Виталий Шелестов

Тамбовский волк ефрейтор Лузгин

Виталий Шелестов

Тамбовский волк ефрейтор Лузгин

«Автор»

2026

Шелестов В.

Тамбовский волк ефрейтор Лузгин / В. Шелестов — «Автор»,
2026

Армейские будни, непростые взаимоотношения главного персонажа со
служащими различных рангов и сословий.

© Шелестов В., 2026

© Автор, 2026

Виталий Шелестов

Тамбовский волк ефрейтор Лузгин

Виталий Шелестов

Тамбовский волк ефрейтор Лузгин.

I

Помещение застилала такие густые клубы табачного дыма, что казалось, их уже пора разрубать секирой древних викингов, поскольку обычный плотницкий очень скоро бы притупился, и его пришлось бы отправлять на переплавку. Хорошо, что недалеко: любой потомственный сталевар мог вполне использовать в данный момент вместо плавильных печей алчущие плотки молодых людей, собравшихся здесь.

Их было трое: рослый и широкоплечий сержант в расстегнутом кителе, полуразвалившийся в кресле-качалке; напротив его – двое рядовых в позах возлежащих за столом римлян, только вместо стола им служила скамеечка из городского парка, невесть каким путем сюда доставленная. Подобных дикувинок можно застать практически в любом каптёрном помещении в изобилии, что лишний раз подтверждало притчи и легенды о сноровке и находчивости русского солдата.

Однако на сей раз трое бойцов находились в затруднительном положении – желании при отсутствии возможности. Вернее, возможность была: деньги лежали тут же на столе, однако на этом содержательное мероприятие начинало буксовать. Никто не хотел отправляться в зимнюю стужу на «точку», где служба полковых «бутлегеров» охотно меняла дензнаки на душистый мутноватый напиток, скрашивающий в розовые оттенки монотонные солдатские будни.

Ситуация не казалась абсолютно тупиковой. Можно было поднять с койки «духа» и, сунув ему горсть со стола, указать наикратчайший путь к заветной мечте. Тем не менее, этот вариант представлял определенный риск. Во-первых, неопытный салага мог запросто угодить в лапы если не ночного патруля, то хотя бы ответственного по подразделению, куда ему надлежало явиться с флягой; а во-вторых, зная свирепые нравы, царящие в мотострелковом батальоне с его разноплеменной ордой, посылать туда бойца первого периода службы было почти равнозначно его жертвоприношению.

Вот почему трое старослужащих из артиллерийского дивизиона, которым бессонница не давала покоя в эту холодную декабрьскую ночь, тщетно ломали головы в поисках решения проблемы.

— Может, разыграем жребий? – лениво спросил один из солдат – рыжеволосый и веснушчатый Смоляков.

— С ума не сходи, да? – отозвался другой, низкорослый, но крепко сбитый осетин Хамалиев. – Дедушка будет мороз бегать – когда такой было? Дух спит, старый бегаёт – не говори никому, смеяться будут.

Сержант нехотя оторвался с кресла и, шаркая по паркету стоптанными на задниках полукедами, подошел к двери.

— Отправим дневального, — проворчал он. — Ему полезно будет размяться, чтоб потом на тумбочке не задряхнул.

Он приоткрыл дверь и пробасил в полумрак казарменного коридора:

— Эй! Дневальный! Сюда иди!.. Бегом!.. А-а, Лузгин... Заваливай, дело есть...

При упоминании фамилии дневального Хамалиев со Смоляковым переглянулись и приняли сидячее положение. Радостное сияние в их очах свидетельствовало о том, что проблема уже наполовину решена.

Вошедший в каптерку боец в шинели и со штык-ножом на ремне был среднего роста, курносый и большеротый. Зеленые, как майская листва, глаза затенялись непомерно длинными ресницами кирпичного цвета, при виде которых юные ирландские дивы глотали бы слюнки от черной зависти. Природа иногда любит шутить, отнимая у одних людей то, что, казалось бы, по праву им должно принадлежать, и цепляя его другим как ненужный атавизм. Разумеется, Пашке Лузгину, солдату из артдивизиона, длинные кельтские ресницы были нужны, что козе баян, хотя кажущееся из-за этого детское выражение лица способствовало возникновению неуволимой симпатии к нему со стороны почти всякого, кому приходилось с ним сталкиваться. А уж стоило увидеть на его лице улыбку – и даже самому враждебно настроенному ничего не оставалось, как сменить гнев на милость и махнуть с усмешкой рукой. Эта улыбка была настолько причудливой и обезоруживающей, что с самого начала службы отводила, подобно громоотводу, все крупные неприятности от своего хозяина, связанные с адаптированием его в процесс нелегкой армейской службы. К чести и хвалу этого солдата, он никогда ею не злоупотреблял, что было противно самой его натуре. Что же касалось неприятностей мелкого характера, то эта напасть сыпалась в Пашкину сторону отовсюду и в любое время.

Именно потому и пришлось ему в очередной раз охранять имущество и покой состава дивизиона, когда три «старичка» изъявили острое желание заблаговременно отметить наступление Нового, дембельского года, а может, заодно и сам дембель.

— Слышь, Луза, будь другом, а? Не в падлу... Сгоняй к минометчикам еще раз. Тебе ведь один черт не спать. Одетый, в шинельке... Мы тебе и глотнуть дадим... А?

— Вы что, офонарели? – растерянно захлопал кельтскими веерами Лузгин. – Я же на тумбочке.

— Мать её грёб, сейчас кого-нибудь из наряда подыдем, — захопотал Смоляков. – Кто дежурный сегодня?

— Джумабаев.

«Старики» тихо заныли от притворного негодования.

— Ни фиги себе, «башмак»... Заменит тебя, пока сходишь. Где он? На доклад пошел? Ах, как не вовремя... Луза, буди другого дневального. Кто еще с тобой? Лебедев с Григоряном?.. Подымай Лебедева.

— Да ну его, — поморщился Лузгин. – Пускай отдыхает, ему через час меня сменять.

— Ну ты даешь, Луза! – воскликнул сержант, фамилия которого была Тюрин. – Уже в «черпаках» ходишь, а всё как монашка на дискотеке. Вспомни, как год назад на его месте был. Разве с тобой кто-нибудь так обходился?

— Да я уже и забыл про это, — усмехнулся Пашка. – Какой толк теперь об этом вспоминать?

Хамалиеву надоело слушать это бесцельное сюсюканье и, с типичным кавказским пылом, он стремительно взвился душой и телом к потолку:

— Чё ты его уговариваешь?! Старый приказал – иди, надо идти... Давай, Лузгин, бегом сходил, много говоришь, да? Деньги где?.. Надоело ждать, слушай...

Пашка сунул деньги в один карман шинели, солдатскую флягу – в другой и сказал:

— Ладно, я пошел. Только не закрывайтесь, а то Джуму проморгаеете, когда с доклада придет. Скажете ему, чтоб постоял за меня, пока не приду.

— Не волнуйся, — подмигнул ему Тюрин. – Всё будет хоккеем... – И когда за Пашкой закрылась входная казарменная дверь, презрительно добавил, повернувшись к остальным: — Даже не скажешь по человеку, что второй год служит. Как был чмошником, так и не изменился.

— Да и хрен на него, — пробормотал, зевая, Смоляков. — Закрывай скорее дверь, а то колотун стоит...

Пашка вышел из казармы охотно, потому что стояние у входа в расположение дивизиона, да еще ночью — занятие настолько унылое, что любое его прерывание несет в себе некоторый заряд бодрости. К тому же ночь стояла великолепная: тихая, морозная, когда кажется, будто Земля на некоторое время сорвалась со своей орбиты и отправилась прогуляться подальше от надоедливого воспитателя-Солнца, и поэтому кругом так темно и холодно. Но одиноким себя в такую ночь не чувствуешь: мириады звездных россыпей повсюду, кроме как под ногами, казалось, приветливо улыбаются и приглашают поучаствовать вместе с ними в этом бесконечном празднике Вселенной.

Пашка шел и улыбался, задрав голову к небесам, демонстрировавшим невооруженному глазу свое космическое великолепие. Путь к казарме пехотного батальона лежал через спортивный городок, благодаря которому сейчас можно было всю наслаждаться панорамой звездного купола. Пашка с удовольствием отметил про себя, что отчетливо видит восьмую звезду в Большой Медведице: вон она, чуть выше и левее средней звездочки в ручке ковша. По этой звезде древние египтяне проверяли качество зрения у солдат. Пашка читал недавно про это, когда дневалил на КПП.

Вот и казарма пехоты — длинная и трехэтажная. Конечная цель — на первом этаже слева. В каптерке минометной батареи торгуют из-под полы самогоном, этой тошнотворной дрянью, при одном упоминании о которой Пашку пробирает судорожный озноб: и как только люди глотают эту вонючую мерзость, от которой запросто выворачивает наизнанку! И ведь не жалко на эту отраву денег!.. Нет, не стоит она того, чтобы из-за недолгого кайфа мучиться потом с похмелья и проклинать себя за недавнюю дурость... То ли дело пиво! Пенное, холодное, да с копченой рыбешкой!.. Эх, когда еще это будет — почти год ждать, до следующей осени...

Тумбочка дневального у пехоты в ночное время как всегда пустая — заходи кто хочешь, бери что хочешь. Тут вообще-то и брать нечего: оружейка — в противоположном конце. Каптерка минбатарей — крайняя слева. Из-под дверных щелей пробивается свет, значит, будить никого не надо... Пашка здесь частый гость еще с незапамятных времен, поэтому осложнений, судя по всему, не предвидится: заходишь, даешь каптерщику деньги и флягу, затем ждешь минуты три — и получай последнюю уже наполненной, правда, с напутствием: «Засветишься — больше не появляйся». Но здесь, слава Богу, пока всё обходилось без проколов: Пашкины многочисленные ходки в качестве артдивизионного курьера носили столь удачный характер, что кое-кто в подразделении считал его «заговоренным». Это было единственное поприще, на котором его не преследовали мелкие неприятности. Офицерскому составу и в голову не приходило, сколько кубометров самогона перетаскал он в течение первого года службы на этой проторенной дорожке из одной казармы в другую. Пашка мог ходить по ней уже с завязанными глазами, а в минометной батарее его знали как облупленного, и даже беспокоились, если на пороге возникал другой боец с флягой в руках, не случилось ли чего с «артиллерийской штатной разведкой»... Но теперь — всё, баста. Третий период службы — это вам не шары катать. Заслужил право уже посылать других; жаль только, что не любит это дело.

... Условное простукивание, как обычно, на манер «чижика-пыжика»: раз-два, раз-два, раз-два-три... Это чтобы знали, кто и с какой целью. Для конспирации...

— Да-да, войдите! — прозвучало за дверью.

Голос как будто знакомый; кажется, это новый каптерщик. Пашка толкнул дверь и шагнул в освещенный проем. Зажмурился от непривычно яркого удара световых потоков. Медленно открыл глаза и оторопело захлопал веерами.

В помещении, обкуреном не меньше уже описанного, стояло сияние звезд, правда, на этот раз самого что ни есть земного происхождения; ибо сияли они на погонах собравшихся. По

две «альфы» с обеих сторон красовались на плечах замполита полка подполковника Евсеева. Самое незначительное созвездие пульсировало на трясущемся от беззвучного хохота начальнике строевой службы капитане Митроховиче.

— Ну вот, еще один...

II

— До чего же все-таки голь на выдумки хитра! Парочка списанных противогазов, снаряженная гильза да перепаянный радиатор – вот всё, что было нужно для общего блага. Эйнштейна кондратий бы хватил, познакомься он с технологией наших самоделкиных. И ведь замаскировали-то где – в ящике с наглядной агитацией!.. А вы знаете, обормоты, что ваши благодетели добавляли в эту гадость? Голубиный помёт!.. Да-да, я не сочиняю! Уже можно по рожам определить, кто в свое время успел продегустировать минометную сивуху, правда, Ковалёв? – повернулся командир артиллерийского дивизиона майор Петуховский к одному из солдат в строю.

Тот слегка шелохнулся и жалобно прорычал:

— А чё Ковалев, товарищ майор... Чуть что – все шишки сразу на меня. Я и знать не знал про всё это.

— Свекольную ботву вешай на уши своей бабушке! Я вас, мудозвонов, насквозь вижу. Думаете, не знаю, для кого Лузгин за поддачей таскался? Что, Хамалиев, скромно взор потупил?.. Ни стыда ни совести у людей. Надо же, ночного дневального припахать, чтобы приперим, понимаешь, чуть ли не в постельку чекушечку!.. А ты, Лузгин, когда уже прекратишь у других на поводу ходить?.. Н-да, что ж с вами делать-то, вояки?..

Пашка стоял с пылающими от стыда ушами перед строем и скорбно глядел себе под ноги. Как он ненавидел и презирал в эти минуты собственную убогую душонку! И в самом деле, мог же запросто послать на три веселых буквы этих обнаглевших жлобствующих типов! «Старый приказал...» А он сам-то что – забыл, что уже третий месяц как в «черпаки» переведен?.. Эх, головешка, когда же придет время и о себе-то подумать?

... Петуховский меж тем продолжал распинаться от души:

— А я, между прочим, отлично понимаю, что, ликвидировав эту «точку», мы проблему несколько не решим. А солдаты с сержантами и даже кое-кто из уважаемых сверхсрочников будут продолжать канифолировать себе на радость, другим на беду. «Веселие Руси есть пити»... Сегодня – минометная батарея, завтра – разведрота, а там, глядишь, и до нас эта зараза дойдет. Чего доброго, и гаубицы наши сами собой на путь конверсии сползут: вместо снарядов из стволов поддоны с первачом начнут вылетать... Ну что ты щеришься, Ковалев? Живо представил себе подобную картину?

— А чё Ковалев...

— Да ничё! Через плечо! Забыл, как летом тебя патруль привозил?

Строй заколыхался от хохота; все отлично помнили, как месяцев пять назад патрульный «уазик» затормозил прямо у входа в казарму артдивизиона, и оттуда, пыхтя от натуги и возмущения, двумя дюжими лбами из комендантского взвода было вынесено «брутто» и волоком доставлено в расположение. Ввиду невозможности груза находиться в вертикальном положении, тело мертвецки пьяного Ковалева было не шибко бережно возложено на середину центрального прохода, после чего начальник патруля, вручив дежурному соответствующие предписания, лихо откозырял со своими подручными назад... Стояло воскресное утро, и, видимо потому, устремленный к небесам Ковалевский лик излучал соответствующую дню недели и времени суток благодать, коей, понятно, никак не могло присутствовать на лицах окружающих. Скорее наоборот – подобие глубочайшей скорби выражала физиономия дежурного, уже знакомого Тюрина (тогда еще «черпака»), растерянно мятущегося по казарме и обкладывающего

распростертое на отполированном дневальными паркете тело ненормативными существительными. Спустя несколько минут пришлось пичкать валокордином уже немолодого старшего прапорщика Чумаченко, старшину третьей батареи (в которой служил верой и правдой подзалетевший): переступая порог казармы в отличном состоянии духа и мурлыча себе под нос: «Я – моряк, красивый сам собою...», старшина, сияя, воззрился к подножию тумбочки дневального. Первые секунды его лицо выражало просто изумление. Затем оно стало постепенно переискажаться в образ античного рыбака, сыгравшего в гляделки с Медузой-Горгоной. Некоторым даже почудилось, что он вот-вот треснет на осколки. Медуза же, распластанная, у ног дневального (им был как раз рядовой Лузгин) тем временем стала обнаруживать в себе слабые признаки деятельной жизни, что только усилило панику в душе несчастного старшины: Чумаченко снарядом вылетел из казармы, появившись снова только к обеду и постарев при этом лет на пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.